

15 ИЮН 1963

По ту сторону аплодисментов

Без улыбки на Аркадия Райкина не ходят.

Зритель заранее знает, что будет весело, и заранее улыбается. Ну, а каков Райкин там, где его не видит зритель? За кулисами театра, по ту сторону аплодисментов?

— Второй звонок, второй звонок, — прокричала помощница режиссера, и актеры устремились за кулисы. Из артистической уборной вышел Райкин и, приветливо улыбаясь, направился по коридору мне навстречу. Я тоже заулыбался, но артист прошел мимо, даже не посмотрев в мою сторону. Кому же улыбался Райкин? — в коридоре никого больше не было.

— Да никому, — ответила на мой вопрос Руфина Рома, жена Райкина и актриса театра. — Просто он уже был на сцене, далеко-далеко от вас.

Прозвенел третий звонок, и я поднялся за кулисы. Все были в сборе — и актеры и рабочие сцены, и реквизитор. За закрытым занавесом слышался шум зрительного зала.

О Райкине из-за кулис

Кажется, все за сценой должно застыть в тревожном ожидании. Но актеры, сбившись веселой группкой, уже готовые шагнуть к рампе, спешат досказать друг другу недосказанные новости.

И лишь у правой кулисы молчаливо стоит красивый человек с седой прядкой в черных волосах. Аркадий Райкин. Он делает несколько бальных па, выпивает глоток воды и тревожным взглядом окидывает кулисы: все ли в порядке. Незадолго до спектакля он говорил мне, что перед каждым выходом на сцену волнуется, как перед первым дебютом. Тогда я не совсем поверил Райкину, а сейчас увидел, что это действительно так. Вероятно, волнение его от того, что он не только «первая скрипка» в театре, но и дирижер. И потому, наверно, не волнуются артисты, что волнуется Райкин.

Он говорил мне, что это волнение исчезает с первым шагом на сцену. Сказано, очевидно, это было не буквально, но я невольно обратил внимание на первый шаг.

Он быстр и уверен, этот шаг навстречу сотням пар внимательных глаз. Зритель подготовлен к встрече заранее — он знает, что Райкин не может подвести. Такое предположение зрителя у иного актера породило бы самоуверенность: зритель любит — зритель простит. У иного, но не у Райкина. Мне рассказывали, каким строгим бывает этот в общем очень добрый человек на репетициях. Строгим к себе и строгим к другим.

Но зато никто в театре не умеет так искренне и зажигательно радоваться успеху товарища. Я видел, как он сидел за закрытым занавесом перед очередной миниатюрой. На авансцене два молодых актера разыгрывали веселый скетч. В зале смеялись — это было естественно. Но совсем неожиданным было в этот момент поведение Райкина. Отки-

нувшись на спинку кресла, он заливался беззвучным смехом, как самый обыкновенный зритель. Через секунду его выход, а он никак не мог успокоиться и только повторял сквозь прищипы смеха: «Молодцы-то какие! Как здорово!».

Но вот занавес раскрылся, и Райкин преобразился. Его лицо уже совершенно не похоже на то, что было секунду назад. Только что был очень веселый человек, а здесь сидит тупой бюрократ. Способность Райкина перевоплощаться, совершать моментальные метаморфозы стала нарицательной. Особенно любят зрители, когда Райкин начинает работать с масками.

В одной миниатюре Райкин играл двух героев. Пожилого, интеллигентного профессора и наглого разбитного чинушу. Причем, как только уходил один, моментально появлялся второй. Действие проходило на фоне ширмы, разрисованной под книжную полку. За этой ширмой полукругом расселись незанятые артисты театра. У каждого в руках части костюма одного из героев. Райкин-профессор неторопливой походкой уходит за ширму. Райкин-актер бежит вдоль ширмы, и на ходу на него надевают пиджак, вручают плащ, шляпу и портфель, прикрепляют парик, и вот уже Райкин-чинуша появляется на сцене. Я засекал по часам — на все превращение ушло две секунды. Но Райкин не был бы Райкиным, если бы он ограничивался чисто внешней стороной трансформации. За эти две секунды старый, немногой, чуть рассеянный и очень симпатичный ученый преобразился в молодого, наглого дурака. Внешне, голосом и внутренней психологией.

Райкин перевоплощается даже тогда, когда, казалось бы, в этом нет никакой необходимости. В той же миниатюре профессор и чинуша, наконец, встречаются за ширмой. Между ними идет диалог. Около полутора минут зритель не видит Райкина, а Райкин не видит зрителя. И эти полторы минуты артист продолжает играть. Играть не только голосом, но и каждым мускулом своего лица. Играть так, как будто он стоит у рампы. После спектакля я спросил его, зачем он это делает, ведь зритель все равно не видит созданного им образа. «Но зато он его слышит», — ответил артист.

Потом я пошел в зрительный зал. Веселая атмосфера праздника захлестнула его до краев. И я подумал, что она не могла бы быть такой жизнерадостной и искренней, если бы не было всего того, что находится по ту сторону аплодисментов.

Михаил СТОЯНОВ.
(АПН).